

А.Б. ЕЛИСЕЕВ

**СОВЕТСКОЕ ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В 1943–1953 гг.
В СОВЕТСКОЙ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

Анализируется советская атеистическая историография взаимоотношений Советского государства и Русской Православной церкви (РПЦ) в 1943–1953 гг., ее методология и особенности. Раскрываются основные вопросы атеистических исследований: причины эволюции церкви в условиях социалистического строительства, позиция РПЦ в годы Великой Отечественной войны и послевоенные годы.

The article analyzes the soviet atheistic historiography of the interrelations between the Soviet state and the Russian Orthodox Church in 1943–1953, putting a special emphasis on its methodology and peculiarities. The main problematique of the atheistic research is described as follows: the reasons of a changing role of the church in the context of the socialistic state-building process as well as the position of the Russian Orthodox Church during the Great Patriotic War and in the postwar years.

Распад Советского Союза кардинальным образом изменил положение и роль Русской Православной церкви в жизни народов России, Беларуси и Украины. Формирование новых моделей государственно-церковных отношений диктовало необходимость и нового качества научных исследований по истории православной церкви. Пристальное внимание исследователей сосредоточилось на взаимоотношениях Русской Православной церкви и Советского государства. Актуальность тематики была не в последнюю очередь связана с критическим переосмыслением и весьма жесткой переоценкой всей советской историографии. Во времена СССР обращение к истории православной церкви попадало в прямую зависимость от задач антирелигиозной пропаганды и разоблачения «буржуазных фальсификаторов». Как правило, советские исследователи брались за тематику государственно-церковных отношений в СССР с целью «дать отповедь» клерикальным и иным «клеветникам». Именно так определял задачи своих работ председатель Совета по делам религий при Совете Министров СССР В.А. Куроедов¹. Оставаясь актуальной задачей советского религиоведения, критика «фальсификаторов» нередко проходила по линии исследования «приспособленческих» и модернизационных процессов в русском православии, в результате которых Русская Православная церковь адаптировалась к условиям Советского государства. В этом случае «фальсификаторами» выступали служители Московской патриархии, которые, защищая ее деятельность, «искажали» историю государственно-церковных отношений в советские годы. Не случайно боль-

шинство атеистических работ адресованы пропагандистам, лекторам, агитаторам и широким читательским кругам. Разумеется, к оценке советских исследований применим дифференцированный подход. Решая общие задачи «разоблачения», исследователи удовлетворяли профессиональный интерес, вели научный поиск, насыщая свои работы историческим, конкретно-социологическим, философским материалом.

Целью настоящей статьи является анализ советской атеистической историографии взаимоотношений Советского государства и Русской Православной церкви (Московской патриархии) в 1943–1953 гг., т. е. в период, когда советское руководство под влиянием внутри- и внешнеполитических факторов пересмотрело политику в отношении РПЦ, и православная церковь стала играть немалую роль в жизни советского государства и общества.

В советской историографии в отношении науки, изучающей вопросы религии, мы встречаем два термина – «религиоведение» и «научный атеизм». Л.С. Васильев подчеркивал, что религиоведение следует отличать от атеизма. Цель религиоведения – проанализировать всю совокупность проблем происхождения, сущности и функций религии, ее места в обществе, истории, культуре, ее объективной роли в течение тысячелетий и в современном мире². Вместе с тем отличительной чертой советского религиоведения являлся его выраженный атеистический характер. Видный советский религиовед С.И. Токарев отмечал, что практическая задача советского религиоведения состоит в объяснении сущности религии как опиума народа и орудия духовного

угнетения. С этой точки зрения «изучение истории религии неотделимо от задач атеистической пропаганды, от задач борьбы с религией»³. Д.М. Угринович называл марксистское религиозоведение органической частью научного атеизма⁴. С другой стороны, от атеизма, который сам по себе не является наукой, необходимо отличать научный атеизм. Научный, или марксистско-ленинский, атеизм определялся как высшая стадия атеизма, коренным образом отличная от всех других атеистических взглядов, как строго научное учение, возникшее с появлением диалектического и исторического материализма⁵. Предметом научного атеизма являлось выяснение социальных корней, причин возникновения и существования религии, критика религиозных верований, выявление социальной роли религии в обществе, определение путей преодоления религиозных предрассудков. Борьба с религией ставилась в прямую связь с задачами социального и духовного раскрепощения трудящихся. С точки зрения решения этих задач изучалась история религии и собственно церковная история.

Методологическим принципом, «путеводным указанием», как выразился известный советский историк религии И.А. Кривелев, советским исследователям служила рекомендация В.И. Ленина – писать книги «по истории религии и *против всякой религии*»⁶. При этом И.А. Кривелев подчеркивал, что писать «против всякой религии» не означает тенденциозного или одностороннего подхода к подбору и интерпретации фактов. «Само объективное освещение историко-религиозных проблем, – утверждал автор, – ведет к раскрытию тех сторон религии, которые характеризуют ее как опиум народа, как реакционную идеологию, направленную против человека и человечества»⁷.

Значительное место в научно-атеистических исследованиях отводилось изучению истории Русской Православной церкви после Октябрьской революции. По сравнению с другими религиозными объединениями Русской Православной церкви был, несомненно, отдан приоритет. Объяснялось это тем, что она является крупнейшей конфессией Советского Союза и представляет наиболее типичный случай, позволяющий выявить особенности эволюции религии и церкви в условиях социализма⁸. В свою очередь, научный анализ этих особенностей определял актуальность исследования: во-первых, его теоретическую значимость, позволяющую выяснить важнейшие тенденции процесса эволюции и прогнозировать перспективы его дальнейшего развития, и, во-вторых, практическую – для правильной ориентации научно-атеистической пропаганды и повышения ее эффективности⁹.

Интересующий нас период 1943–1953 гг. характеризовался советскими учеными как время окончательной нормализации отношений Советского государства и Русской Православной церкви¹⁰. При этом подчеркивалось, что лояльность православного духовенства не означает, что иной по содержанию стала религиозная идеоло-

гия. Характер произошедших изменений как в самой церкви, так и в отношении партии и государства к ней А.А. Круглов определил так: «...если раньше церковь была политическим и идейным противником, то теперь она является, как правило, только идейным, причем открытым, легально существующим нашим противником»¹¹.

Основу нового государственно-церковного курса, отправной точкой которого стала кремлевская встреча И.В. Сталина с митрополитами Русской Православной церкви 4 сентября 1943 г., заложила Великая Отечественная война. Русская Православная церковь приняла активное участие в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Патриотическая позиция РПЦ рассматривалась советскими авторами в качестве центрального фактора, повлиявшего на окончательную нормализацию отношений православной церкви с государством. Хотя еще в преддверии войны в советской литературе категорически не допускалась возможность проявления церковного патриотизма, более того, церковь зачислялась в ряды прямых поджигателей войны¹². Всего за двенадцать дней до начала Великой Отечественной войны в журнале «Безбожник» была опубликована статья А. Евстратова «Патриотизм и религия», где автор доказывал, что история «не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного народного патриотизма», а, наоборот, указывает на многочисленные «позорные факты предательства, трусости и измены церкви в момент борьбы народа с внешним врагом». «Религия является злейшим врагом советского патриотизма, и в нашей следующей беседе будет подробно рассказано об этом», – завершал автор¹³. Следующая беседа не состоялась, как никогда больше не вышел в свет и журнал «Безбожник». В первый же день войны 22 июня 1941 г. Патриарший Местоблюститель митрополит Московский и Коломенский Сергей (Страгородский) разослал по всем приходам обращение к пастырям и пасомым, в котором одни только мысли о возможных колебаниях в выборе позиции назвал прямой изменой родине и пастырскому долгу. «Церковь Христова благословляет всех православных на защиту священных границ нашей родины», – говорилось в послании¹⁴.

Отныне советская печать не без гордости стала писать, что «во время войны русская церковь решительно встала на сторону народа, защищающего свою родину от ненавистных чужеземных захватчиков и поработителей»¹⁵. Ирония истории состояла в том, что советским исследователям пришлось объяснять, почему, вопреки всем категоричным прогнозам их довоенных предшественников, церковь повела себя иначе. По мнению Ф.С. Таратунского, Д.И. Сидорова, В.Е. Ладоренко, сама по себе религия не содержит ничего, что могло бы поднять человека на самоотверженную борьбу с иноземными захватчиками. Следовательно, патриотизм верующих советских граждан в годы Великой Отечественной войны проявился не благодаря религии, а вопреки ей, под воздействием коммунистических идей¹⁶.

Ряд авторов, например А.И. Барменков, В.В. Колобков, Ф.М. Придувалов, считали, что патриотический курс церкви в годы войны не мог быть иным, так как основная масса верующих уже твердо стояли на почве поддержки советской власти и активно включились в строительство нового общества. Какая-либо другая позиция церкви просто-напросто лишила бы ее доверия верующих, что означало бы немедленную изоляцию церкви и ее крах¹⁷. Вместе с тем А.И. Барменков добавлял, что Советскому государству «не было безразлично поведение духовенства во время войны»¹⁸. В целом советские исследователи позитивно оценивали практическую работу Русской Православной церкви по мобилизации своих ресурсов на защиту страны, а также пропаганду мира в послевоенное время. Эти заслуги связывались именно с гражданской деятельностью РПЦ, а не религиозной. Д.И. Сидоров подчеркивал, что Патриарх Алексей, митрополит Николай и другие деятели церкви, удостоенные в военные и послевоенные годы правительственных наград, получили их «не за совершение религиозных обрядов, а за активное участие в защите Родины в период войны, за активную деятельность в борьбе за мир в послевоенный период»¹⁹.

Н.П. Красников и Э.И. Лисавцев, с одной стороны, отмечали, что положительное отношение к Советскому государству было следствием «объективной закономерности» – другой возможности нормального функционирования в СССР как кроме приверженности «его генеральному политическому курсу» для Русской Православной церкви не было, ибо Советское государство и общество «не позволили бы вести против себя подрывную деятельность»²⁰. С другой стороны, эти же авторы писали об искреннем стремлении к улучшению государственно-церковных отношений служителей культа²¹. Несмотря на то что в годы войны церковь не превратилась в общество патриотических действий, не претерпела каких-либо структурных изменений, оставаясь религиозным институтом, на первое место в ее деятельности выдвигались гражданские мотивы: любовь к Родине, необходимость сплочения для отпора врагу и поддержки власти, организующей этот отпор²².

А.Т. Вещиков объяснял патриотическую позицию РПЦ в годы Великой Отечественной войны ее прошлой антисоветской деятельностью, он писал, что «эта позиция как бы смывала с репутации церкви то пятно, каким явилась поддержка ею белогвардейцев и интервентов в период гражданской войны и отказ в помощи голодающим Поволжья в 1922 году»²³.

Не меньшее место, чем описание патриотической деятельности РПЦ в годы Великой Отечественной войны, занимало в трудах советских исследователей описание предательской роли православного духовенства на оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории Советского Союза. Подчеркивалось, что церковь пытается замолчать измену многих служителей

культа в годы войны, факты их сотрудничества с фашистами²⁴. В полной степени обоснованным этот упрек, конечно, признать нельзя. Например, В.Е. Титов подчеркивал, что справедливость требует сказать, что «рядовое духовенство на оккупированной территории нередко сотрудничало с партизанами, укрывало мирных жителей от репрессий гитлеровцев... В основной своей массе духовенство либо оказалось нейтральным, либо тайно сочувствовало освободительной войне своего народа»²⁵.

В годы войны церковное руководство соответствующим образом реагировало на факты измены со стороны православного духовенства. Об этом свидетельствуют документы, приведенные в изданном в 1943 г. сборнике церковных документов «Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война», а также материалы, опубликованные в годы войны в «Журнале Московской Патриархии». Что касается послевоенной советской церковной историографии, то в ней акцент делался на искренний патриотизм духовенства и верующих в годы войны, чьими усилиями в значительной степени была достигнута победа. Такой подход вызвал немало критики со стороны атеистической историографии, обвинившей историографию церковную в сознательном искажении и фальсификации истории войны.

В первую очередь критике подверглась церковная концепция провиденциализма, согласно которой все в мире совершается согласно божьей воле, направляющей ход истории, и, следовательно, божьим заступничеством объясняется победа в Великой Отечественной войне. При этом игнорируются объективные социальные, политические и материальные факторы, обеспечившие победу Советского Союза в этой войне²⁶. Советские историки подчеркивали, что не божественным промыслом и молитвами верующих была достигнута победа, а неимоверными усилиями советского народа, коммунистов и верующих, сражавшихся на фронтах войны, участвовавших в партизанском движении, ковавших победу в тылу. Важнейшую роль в организации отпора врагу сыграли коммунистическая партия, органы советской власти.

По мнению директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС доктора философских наук П.К. Курочкина и председателя Совета по делам религий при СМ СССР В.А. Куроедова, события 1941–1945 г. стимулировали позитивное отношение православной церкви к Советскому государству и обществу. В свою очередь, патриотическая деятельность верующих и духовенства была «соответствующим образом оценена Советским государством» и правительство осуществило ряд мероприятий, направленных на дальнейшую нормализацию отношений между церковью и государством²⁷.

Практическая помощь, которую оказывала Русская Православная церковь в годы войны, встреча церковных иерархов с И.В. Сталиным в сентябре 1943 г., создание Совета по делам Рус-

ской Православной церкви при СНК СССР, церковные соборы 1943 и 1945 гг., избравшие патриархами Сергия и Алексия, оценивались советскими историками как мероприятия, приведшие к окончательной нормализации отношений государства и церкви. «В становлении и развитии нового церковно-политического курса, – писал П.К. Курочкин, – нашла свое отражение поддержка верующими Советского государства»²⁸.

По мнению того же автора, новый церковно-политический курс укрепился и в послевоенный период. Его проводником проявило себя руководство Московской патриархии во главе с Патриархом Алексием²⁹. Митрополит Ленинградский Алексей (Симанский), ставший после смерти Патриарха Сергия Местоблюстителем Патриаршего Престола, был избран тринадцатым Патриархом Московским и всея Руси на Поместном соборе Русской Православной церкви, который проходил 31 января – 2 февраля 1945 г. В атеистической советской историографии значение Поместного собора 1945 г. определялось его «решающим» вкладом в дальнейшую эволюцию церкви, ее приспособлением к условиям социалистической действительности: «Учитывая настроения верующих, – писал А.И. Барменков, – церковь открыто осудила империализм, положительно оценила успех социалистического строительства в СССР, заявила о поддержке освободительного движения угнетенных империализмом народов... Собор дал отпор клеветническим измышлениям о гонениях на церковь в СССР»³⁰.

Фигура Патриарха Алексия (Симанского) со стороны Русской Православной церкви занимает центральное место в послевоенных государственно-церковных отношениях вплоть до 1970 г. С его именем связывается укрепление авторитета Русской Православной церкви как внутри страны, так и на международной арене, достигнутого за первые послевоенные годы. В историографии его деятельность оценивается весьма неоднозначно. Представители Русской Православной церкви за рубежом называли его «ставленником Сталина», в советской атеистической историографии ему давалась высокая оценка. В.А. Куроедов, например, писал, что отличительной чертой Патриарха Алексия была не просто лояльность, но «глубокая преданность Советской Родине, социалистическому государству»³¹. За рубежом Патриарха Алексия обвиняли в прямом содействии разгрому Греко-католической церкви в Западной Украине в 1946 г., в советской историографии «добровольное» присоединение униатов к РПЦ рассматривалось как «ярчайший пример действительной свободы религии в СССР»³². Как бы то ни было, Патриарху Алексию выпало возглавлять русскую церковь в переломный момент ее истории, когда думать приходилось в первую очередь о сохранении церковной организации.

Не обошла советская историография и вопрос о степени свободы Русской Православной церкви в СССР. Как известно, зарубежные советологи, а

также русские эмигранты, главным образом представители Русской Православной церкви за границей, утверждали, что РПЦ находится в полном подчинении Советскому государству. Подчеркивая самостоятельность и независимость Русской Православной церкви в Советском Союзе, Э.И. Лисавцев писал, что Московская патриархия уже в годы войны «с полным основанием поставила перед Советским правительством вопрос о расширении ее возможностей влиять на церковь...»³³. Правительственные органы санкционировали такие меры, в результате чего укрепилась центральная власть в церкви, упрочились ее связи с епархиями и общинами, улучшилась подготовка кадров священнослужителей. Таким образом, церкви была оказана благотворная помощь, которую неправомерно рассматривать как вмешательство. Деятельность Русской Православной церкви, конечно, регламентировалась советским законодательством, но это вовсе не означает, что она находилась в зависимом либо подчиненном положении.

Разумеется, несмотря на стабилизацию и расширение деятельности в 1943–1953 гг., Русская Православная церковь оставалась «глубоко чужеродным элементом». Это подчеркивали все советские исследователи, равно как и то, что лояльность духовенства не означает, что религиозная идеология стала иной по содержанию. Отвечая на зарубежную критику в том, что советское государство превратило церковь в своего «послушного слугу», П.К. Курочкин не без пафоса утверждал, что социалистическому государству не нужна «своя советская церковь»³⁴. Успехи в борьбе с религией рассматривались как неременное условие успешного продвижения к коммунизму.

Советская атеистическая историография анализировала проблему взаимоотношений Советского государства и РПЦ не иначе как через призму «реакционности» религиозной идеологии и одного из ее носителей – православной церкви. Стремление Русской Православной церкви к улучшению отношений с государством, патриотический курс в годы Великой Отечественной войны, позиция поддержки внутри- и внешнеполитических инициатив СССР в послевоенные годы рассматривались как вынужденный шаг в условиях потери церковью своей социальной базы.

¹ См.: Куроедов В.А. Советское государство и церковь. М., 1976; Он же. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1982.

² См.: Васильев Л.С. История религий Востока (религиозно-культурные традиции и общество). М., 1983. С. 4.

³ Токарев С.И. Религия в истории народов мира. М., 1986. С. 23.

⁴ См.: Угринович Д.М. Введение в теоретическое религиозноведение. М., 1973. С. 8.

⁵ См.: Круглов А.А. Основы научного атеизма. Мн., 1983. С. 11.

⁶ Крывелев И.А. История религий. М., 1988. Т. 1. С. 11.

⁷ Там же. С. 11.

⁸ См.: Гордиенко С.Н., Курочкин П.К. Основные особенности эволюции религии и церкви в условиях

социалистического государства // Вопросы научного атеизма. 1980. Вып. 25. С. 224–225.

⁹ Там же. С. 223.

¹⁰ См.: Барменков А. И. Свобода совести в СССР. М., 1979. С. 122; Куроедов В. А. Религия и церковь в Советском государстве. М., 1982. С. 103; Лисавцев Э. И. Критика буржуазной фальсификации положения религии в СССР. М., 1971. С. 201; Титов В. Е. Православие. М., 1967. С. 117.

¹¹ Круглов А. А. Указ. соч. С. 291.

¹² См.: Оборона СССР и религия. Мн., 1939.

¹³ См.: Евстратов А. Патриотизм и религия // Безбожник. 1941. № 6. С. 2–3.

¹⁴ См.: Правда о религии в России. М., 1942. С. 15–17; Русская Православная Церковь и Великая Отечественная война. Сборник церковных документов. М., 1943. С. 3–5.

¹⁵ Сергеева Н. О религии и церкви в СССР // Война и рабочий класс. 1943. № 12. С. 18.

¹⁶ См.: Таратунский Ф. С. Учит ли религия добру? Мн., 1964. С. 49; Сидоров Д. И. Защита Родины и религия. М., 1963. С. 12; Ладоренко В. Е. К вопросу об изменении политической ориентации Русской православной церкви (1917–1945) // Вопросы истории религии и атеизма. 1964. Вып. 12. С. 121–122.

¹⁷ См.: Барменков А. А. Указ. соч. С. 117; Колобков В. В. Наследие вековой тьмы (Критика современного русского православия). Киев, 1962. С. 40, 50–51; Придувалов Ф. И. Приспособленческие тенденции в идеологии современного православия в СССР // Критика религиозной идеологии. М., 1961. С. 13.

¹⁸ Барменков А. А. Указ. соч. С. 121.

¹⁹ Сидоров Д. И. Война и религия. М., 1961. С. 148.

²⁰ Красников Н. П. Социально-этические воззрения русского православия в XX веке. Киев, 1988. С. 98–99; Лисавцев Э. И. Указ. соч. С. 258.

²¹ См.: Красников Н. П. Указ. соч. С. 99; Лисавцев Э. И. Указ. соч. С. 263–265.

²² См.: Лисавцев Э. И. Указ. соч. С. 265–266.

²³ Вещиков А. Т. Война и вера // Наука и религия. 1973. № 1. С. 27.

²⁴ См.: Ладоренко В. Е. Указ. соч. С. 121–122; Барменков А. А. Указ. соч. С. 118–121; Сидоров Д. И. Защита Родины и религия... С. 90–93.

²⁵ Титов В. Е. Указ. соч. С. 118.

²⁶ См.: Вершинская А. А., Рамм Б. Я., Сердобольская Л. А. Некоторые вопросы истории СССР в освещении церковной печати // Ежегодник музея истории религии и атеизма. 1960. Т. 4. С. 10–29.

²⁷ См.: Курочкин П. К. Эволюция современного русского православия. М., 1971. С. 137; Куроедов В. А. Указ. соч. С. 101.

²⁸ Курочкин П. К. Указ. соч. С. 137.

²⁹ Там же. С. 137.

³⁰ Барменков А. А. Указ. соч. С. 121–122.

³¹ Куроедов В. А. Указ. соч. С. 107.

³² Даниленко С. Т. Униаты. М., 1972. С. 190.

³³ Лисавцев Э. И. Указ. соч. С. 271.

³⁴ Курочкин П. К. Указ. соч. С. 225.

Поступила в редакцию 06.12.07.

Алексей Борисович Елисеев – аспирант Республиканского института высшей школы. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России В. И. Меньковский.